

Казанский государственный университет

На правах рукописи

Костина Татьяна Владимировна

Мир университетского профессора Казани. 1804-1863.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань, 2007

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории до XX века
Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина

Научный руководитель:	доктор исторических наук Вишленкова Елена Анатольевна
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук Андреев Андрей Юрьевич кандидат исторических наук Галиуллина Руфия Хазибовна
Ведущая организация:	Институт российской истории РАН (Санкт-Петербург)

Защита состоится " " _____ 2007 г. в ____ часов ____ минут
на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора наук при Казанском государственном
университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.
Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан _____ 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Е.А. Вишленкова

Общая характеристика работы

Казанский университет, один из старейших университетов в России, был основан в 1804 г. Всего за два десятилетия существования он смог превратиться в достаточно крупный научный и культурный центр. Причина этого видится в тех условиях, в которых осуществлялось создание университета. Реформой, проведенной правительством Александра I, университетская корпорация профессоров наделялась широкой автономией. Таким образом, развитие университета во многом было связано с процессом становления профессорской корпорации в Казани.

К этой проблеме уже не раз обращались исследователи – Н.П. Загоскин, Н.Н. Булич, С.М. Михайлова, Е.А. Вишленкова и другие. Вместе с тем, существование их работ не исчерпало тему, а привело к раскрытию в ней новых проблем, требующих глубокого осмысления. На современном этапе развития историографии появилась возможность проанализировать процесс зарождения и существования профессорской корпорации в Казани, а развитие методологии исторических исследований позволило рассматривать профессоров как людей в системе человеческих отношений и повседневной жизни.

Предметом данного исследования является система социальных и культурных связей, образующих мир профессоров Казанского университета. Понятие «мир» широко и многозначно, поэтому требует специального определения. В данной работе оно обозначает обладающую целостностью область жизни, которая создана принадлежностью к специфической корпоративной культуре.

Объектом исследования стала корпорация профессоров Казанского университета и, соответственно, порожденные ими тексты. Основная группа состоит из 123-х человек, которые в период с 1804 по 1863 г. преподавали в Казанском университете в должностях экстраординарных и ординарных профессоров.

Хронологические рамки работы - период действия уставов 1804 и 1835 гг., то есть шестьдесят лет существования казанского сообщества профессоров. В качестве верхней границы хронологического периода, рассматриваемого в работе, был выбран 1863 год. С одной стороны, в этом году вышел новый устав, который существенно изменил структуру и размеры корпорации. С другой стороны, сама эпоха реформ Александра II не могла не сказаться на жизни казанских профессоров, составе корпорации.

Цель данного исследования – раскрыть мир университетского профессора Казани первой половины XIX века. Исходя из поставленной цели и исходных посылок диссертации, перед исследованием поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить комплекс источников и литературы, позволяющий разрешить поставленные проблемы.
2. Определить внешние и внутренние границы жизни профессорской корпорации.
3. Показать, как время, место и финансовые возможности влияли на повседневную жизнь профессоров.

Понятно, что мир человека принципиально неисчерпаем и не раскрываем во всей своей полноте и многообразии. Любое расчленение мира на отдельные элементы и описание их, безусловно, будет упрощать исследуемый предмет, но такое упрощение является необходимым требованием для возникновения научного знания вообще. Поэтому цель данного исследования видится в раскрытии основных, базовых элементов мира профессоров.

Методы исследования. Для решения поставленных задач мною были выделены универсальные для корпоративной группы параметры изучения каждодневной жизни. К ним я отношу механизм формирования корпорации, способы ее самоорганизации, время, пространство и качество жизни. Их наложение на материалы архива Казанского университета позволило выявить специфику действия этих универсалий в данной корпоративной группе.

При работе с документами использовался подход, разработанный источниковедом Б.Г. Литваком, который обосновал отношение к документу как «фиксатору необычного в обыденном течении жизни».¹ В действительности, как показала работа над источниковой базой исследования, не только в делопроизводственной документации, но и в источниках личного происхождения, в основном, отражается девиация, как явление, на которое отреагировал автор источника, выделил из ряда других, сопровождал авторской интерпретацией.

Одним из основных методов работы стало *выявление в источниках моделей нормативного и девиантного поведения*, понимаемых в широком смысле. Поведение, выходящее за пределы принятых в сообществе норм, рассматривается в работе как девиация.² Такой подход к источнику был разработан и применен Е.А. Вишленковой для изучения культуры Казанского университета XIX века.³ Необходимо, однако, учитывать относительность понятия нормы.⁴ Нормы эволюционируют в зависимости от того, признают ли их члены корпорации или нет. Таким образом, явление, понятое одним человеком как девиация, может являться нормой для ряда других членов корпорации. Нормы также находятся в постоянной эволюции во времени. В этом заключается сложность применения данного метода. Между тем, он позволяет заполнить так называемые «зоны умолчания» документов, что приводит к качественному приращению наших знаний об изучаемой культуре. Для того чтобы применение метода дало адекватные результаты, в основу исследования была положена большая группа источников.

¹ Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII-XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин (Статьи и материалы). – М., 1984. – С. 51.

² Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; Пер. с англ.; Под ред. С.А. Ерофеева. – Казань, 1997. – С. 61.

³ Вишленкова Е.А. Норма и девиация в Казанском университете первой половины XIX века. // Адам и Ева. – 2003. – № 5. – С. 145-167.; Вишленкова Е.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань, 2005. – 498 с.: ил., портр.

⁴ Аберкромби Н. Социологический словарь... С. 190.

Кроме того, при анализе источникового комплекса мною применялись общеисторические методы: *метод исторической реконструкции*, благодаря которому удалось создать своеобразную карту заселения профессорами города и выявить изменение цен на основные продукты потребления; *сопоставительный анализ*, который позволил, сопоставляя факты из жизни профессоров, анализировать тенденции, характерные для корпорации в целом. *Гендерный подход* помог по-новому взглянуть на проблему конфликтов в профессорской среде. При работе с источниками, применялись традиционные методы *внутренней и внешней критики источника*, благодаря которому, в частности, был выявлен процесс создания послужных списков профессоров, сохранившихся в архиве университета, что позволило проанализировать особенности этого источника.

Одной из главных методологических посылок диссертации является идея одновременного конструирования реальностью объекта исследования и объектом действительности, в которой профессора жили. С одной стороны, профессора сами выступали активными агентами формирования университета. Как члены совета они сами, отчасти, конструировали структуру университетского времени: составляли расписание лекций и дополнительных занятий, определяли свои дополнительные нагрузки. Также профессора оказывали влияние на формирование университетского пространства. Особенно активно вмешивались в этот процесс члены строительного комитета и правления. Сами профессора частным образом определяли место своего жительства. С другой стороны, принадлежность к университету, безусловно, задавала параметры их жизни.

Актуальность темы исследования. В настоящее время в университетах России существует множество проблем. Ряд дискуссионных вопросов связан с организацией образовательного процесса, подготовкой квалифицированных кадров профессоров по различным дисциплинам. Давно назрел вопрос о соотношении условий существования отдельного университетского человека, качества его жизни и существования

корпорации, ответственной за развитие науки и образования в целом – вопрос, имплицитно присутствующий и частично разрешаемый в диссертации.

Значительная часть существующих сегодня проблем – следствие непонимания обществом специфики жизни и деятельности профессора как преподавателя и ученого, недостатка наших представлений о механизмах существования профессорской корпорации в России. Для того, чтобы ситуация изменилась, необходимо глубокое понимание психологии университетского человека во временной перспективе.

Научная новизна работы состоит:

- во введении в научный оборот широкого комплекса источников, извлеченных из архива Казанского университета.
- в реализации культурно-антропологического подхода к изучению профессорской корпорации Казани.
- в наполнении реальным историческим содержанием аналитической конструкции «мир профессора», на примере профессоров Казанского университета в 1804-1863 гг.

Основные результаты исследования прошли **апробацию** в докладах на Международной научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Г.Р. Державина и 200-летию со дня основания Казанского университета (Казань, 10-12 ноября 2003 г.), Третьем Краснодарском международном семинаре по исторической психологии «Миф и историко-психологические механизмы формирования социогуманитарного знания» (Краснодар, 28 февраля 2004 г.), Литературных чтениях в усадьбе Боратынских «История казанских усадеб: архитектура, родословные, традиции, коллекции» (Казань, 18-19 марта 2004 г.), V ежегодной научно-практической конференции «Богословие и гуманитарные науки: традиции и новая парадигма», (Казань, 7-8 ноября 2005 г.), Семинаре по истории высшей школы (Санкт-Петербург, 24 мая 2006), Международной научной конференции «Университетские концепции в Европе и России XVIII – начала

XX вв.» (Санкт-Петербург, 21-24 июня 2007 г.), а также на заседаниях кафедры Отечественной истории до XX века Казанского государственного университета.

Исследование может найти **практическое применение** в специальных курсах по истории образования, университетов, университетской культуре. Данные, приводимые в диссертации, могут быть использованы для организации музейных экспозиций. Теоретическое применение работы может быть связано с тем, что предложенная диссертация использует новейшие методы, применяемые к изучению университетской культуры. В ней представлена модель для изучения мира группы людей, которая может быть использована в других исследованиях по культурной антропологии.

Сформулированные выше исследовательские проблемы определили **структуру работы**. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и трех приложений.

Основное содержание работы

Во введении предлагается аналитическая конструкция «мир профессора». Для обоснования ее семантики и возможности применения прослеживается использование понятия «мир» в названиях работ, вышедших в последние годы в России, обосновывается его использование в названии диссертации, связанное с применением культурно-антропологического подхода. Также во введении определяются объект, цели и задачи исследования, обосновываются хронологические рамки работы, ее актуальность, научная новизна и практическая значимость.

В первой главе дается общая источниковедческая характеристика документов, в которых отразился мир профессора Казани, и анализируется степень разработанности темы в научной литературе. *Первый параграф* посвящен анализу **источникового комплекса** исследования.

Материалы Казанского университета за рассматриваемый период представляют собой источниковый пласт, состоящий из нескольких десятков

тысяч документов. Они предоставляют замечательную возможность для изучения корпорации профессоров университета. Однако освоение такого массива должно быть связано с выделением определенного комплекса источников, позволяющего решить исследовательские задачи, и применением специфических методов работы с ним.

В основу такого комплекса легли документальные материалы: преимущественно канцелярская документация Казанского университета, а также нормативные акты. Если последние были собраны и опубликованы в составе первых трех томов Сборника постановлений по Министерству Народного просвещения,⁵ то делопроизводственная документация университета представляет собой огромный массив неопубликованных документов, сохранившихся в фондах архивов. Из них большая часть сохранилась в фондах Национального архива республики Татарстан (НА РТ). Это фонд 977 – «Казанский университет» и фонд 92 – «Попечитель». Отдельная подборка сохранилась в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского (ОРРК НБЛ). Документы университетского производства, отложившиеся в этих архивах, зачастую отражают начальную стадию оформления дел, и, как следствие, материалы в них представлены с наибольшей полнотой. В фонде «Правление» НА РТ мною был выявлен такой вид источников, как дела о смерти профессоров, часто содержащие в себе описи имущества, информацию о долгах, вдовах и сиротах, оставшихся после смерти профессора. Ранее они не привлекались исследователями как комплекс.

Особенное значение делопроизводство университета приобрело в связи с тем, что авторами документов в большинстве случаев являлись сами профессора университета. Среди документов архива – продукты их коллективной деятельности, какими были решения совета и правления; облеченные в письменную форму, встроенные в состав делопроизводственных документов комментарии профессоров,

⁵ Сборник постановления по Министерству народного просвещения. – СПб., 1873-1876. – Т. 1-3.

показывающие их позиции по тому или иному вопросу; источники личного происхождения, прилагаемые к делу.

В рассматриваемый период формировались каноны оформления делопроизводственных документов университета, нацеленные на унификацию. Вследствие этого, документы начала XIX века несут в себе больше информации о жизни профессоров, чем документы 1830-х-60-х гг. Изучение делопроизводственных документов 1830-х гг. и более поздних лет для целей исследования было возможно, в основном, как изучение массового источника, когда важны результаты просмотра большого числа аналогичных дел.

Особую ценность для исследования представляют использованные в работе формулярные списки профессоров, сохранившихся в НА РТ и ОРРК НБЛ, а также «Именные списки всем чиновникам и преподавателям в Императорском Казанском университете», публиковавшиеся с конца 30-х гг. в приложении к ежегодным отчетам университета.

Наконец, в работе были использованы повествовательные материалы. Среди них встречаются художественные документы (эпиграммы на профессоров, песни студентов⁶) и даже стоящие как источник особняком от других эпитафии, записанные во второй половине XIX века казанским краеведом Н.Я. Агафоновым и дошедшие в таком виде до нас.⁷ Но основная группа повествовательных документов, использованных в работе - источники личного происхождения.

К исследованию удалось привлечь личные бумаги И.Ф. Яковкина, И.М. Симонова, Г.Н. Городчанинова, К.Ф. Фукса, Ф.О. Елачича, И.А. Литрова и др. профессоров Казанского университета, сохранившиеся в ОРРК НБЛ. Также были использованы материалы И.А. и Н.И. Второвых и К.К. Фойгта, найденные в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Интересным оказался личный фонд Д.И. Мейера (Отдел рукописей

⁶ Васильев М.А. Песни Казанского студенчества (1850-60-х гг.) // Ученые записки КГУ. – Казань, 1934. – Вып. 90, кн. 5: Посвящается 125-летию Казанского университета. – 839-859.

⁷ ОРРК НБЛ, ед. хр. 216, 217.

Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 476). В работе использовались письма попечителей С.Я. Румовского, М.А. Салтыкова и М.Л. Магницкого профессорам, дружеские письма профессоров друг другу, мемуары Э. Турнерелли⁸, воспоминания И. Лажечникова о М.Л. Магницком, многочисленные воспоминания о Лобачевском, собранные и изданные Л.Б. Модзалевским,⁹ бумаги Н.Я. Агафонова,¹⁰ воспоминания воспитанников университета, дневник адъюнкта Б.И. Ордынского. Последний был обнаружен в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома), и впервые введен в научный оборот.¹¹

Во втором параграфе анализируются историографические тенденции в изучении данной темы.

Необходимость осмысления деятельности университета в исторической перспективе была высказана еще авторами устава 1804 г., один из параграфов которого относил к обязанностям секретаря совета сочинение истории университета.¹² Первой состоявшейся попыткой обозрения истории всего университета можно считать написанный К.Е. Фойгтом отчет университета за 17 лет попечительства Мусина-Пушкина, опубликованный в 1844 г.¹³ Но первым исследователем, основательно подошедшим к изучению прошлого казанской профессорской корпорации, стал Н.Н. Булич. Его «Рассказы по архивным документам» - многослойная работа, которая является переходным жанром – мостом между мемуарами и исследованием.¹⁴

Создание целостного рассказа о жизни университета первых 25-ти лет его существования к столетию Казанского университета довершил

⁸ Турнерелли Э.П. *Kazan et ses habitants* = Казань и ее жители; *Kazan the ancient capital of the tartar khans* = Казань – древняя столица ханов. Этот занятный несносный британец (полемика). Виды Казани, рисованные с натуры (альбом репродукций). Вишленкова Е.А. Казанское житье / Э.П. Турнерелли, Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – [Казнь, 2005]. – 1184 с.

⁹ Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Сост. Л.Б. Модзалевский. – М.; Л., 1948. – 828 с.

¹⁰ ОРРК НБЛ, ед. хр. 216, 217.

¹¹ ОР ИРЛИ, ф. 677, ед. хр. 331, 332.

¹² Загоскин Н.П. История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804 – 1904 / Н.П. Загоскин. – Т. 1. – Казань, 1902. – С. XXIII.

¹³ Отчет Императорского Казанского университета с 1827 г. по 1-е января 1844 года по управлению Тайного Советника Мусина-Пушкина. – [Казань, 1844]. – 448, VI, 68, IV с. Вторая часть отчета, посвященная Казанскому учебному округу, составлена инспектором училищ В.И. Антроповым

¹⁴ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819). Рассказы по архивным документам / Н.Н. Булич. – СПб, 1904. – Ч. 1-2.

Н.П.Загоскин¹⁵. В центре исследования Загоскина оказалась борьба профессорской корпорации за самоуправление. При этом, сама «История...» Загоскина, как исследование, проводимое в рамках позитивизма, во многом представляет собой систематизированный пересказ источников. Таким образом, сейчас этот монументальный труд актуален скорее не как цельный рассказ об истории университета первых лет существования, а именно как собрание источникового материала, сгруппированного тематически.

Период конца XIX века и самого начала века XX вообще стал временем активного изучения истории образования. Обсуждение Устава 1863 г. вызвало бурную полемику, стимулировало обращение к прошлому университетов, следствием чего целый поток публикаций воспоминаний и статей об университетах в центральных изданиях, таких как «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник».¹⁶ Это повлекло за собой научную постановку проблем, связанных с историей университетов в России.

Наиболее крупными, знаковыми исследованиями истории университетов того времени стали работы М.И. Сухомлинова «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению» и С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения», написанные в рамках институционального подхода. Наличие этих работ позволяет увидеть условия, в которых происходило формирование профессорской корпорации Казанского университета.

В советские годы в историю Казанского университета вошли сюжеты общественного развития, освободительной борьбы, начала разрабатываться история науки.¹⁷ Внимание к этим проблемам заставляло исследователей концентрироваться на более позднем периоде, сводить до минимума рассказ о начальном времени существования университета.

¹⁵ Загоскин Н.П. История... Т. 1-4.

¹⁶ Глинский Б.Б. Университетские уставы (1755-1884 гг.). // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1900. – январь. – С. 324-351.

¹⁷ Казанский университет 1804-1979. Очерки истории / [Отв. ред. М.Т. Нудин]. – Казань, 1979. – 304 с.

Хорошей традицией, зародившейся в то время, стала публикация сборников документов, относящихся к истории Казанского университета, чаще всего собранных вокруг персоналии.¹⁸ Особенно выделяется среди сборников документов монументальный труд Л.Б. Модзалевского, собравшего и опубликовавшего огромную подборку материалов для биографии Н.И. Лобачевского.¹⁹ Словарь-указатель этого издания содержит ценнейшие сведения из жизни профессоров Казанского университета и членов их семей. В прошлом году вышла в свет переписка попечителя М.Л. Магницкого, подготовленная К.А. Ильиной.²⁰

Другое направление, оформившееся в советские годы, связано с написанием научных биографий выдающихся профессоров университета. Так был создан целый ряд монографий, посвященных жизни и трудам Н.И. Лобачевского,²¹ А.М. Бутлерова,²² Э.А. Эверсмана²³ и других профессоров. Их авторы, в основном концентрировались на научной и педагогической работе профессора, фактах его биографии, но писали и об университете в целом, о взаимоотношениях профессора с другими членами корпорации. Ряд работ С.М. Михайловой, диссертация Т.В. Шуртаковой посвящены исследованию Казанского университета как центра просвещения в огромном учебном округе востока России.²⁴ Празднование 200-летнего юбилея

¹⁸ См., например, Александр Михайлович Бутлеров (по материалам современников). – М., 1978. – 111 с. Бутлеров А.М., Бородин А.П. Николай Николаевич Зинин. Воспоминания о нем и биографический очерк // Бутлеров А.М. Сочинения. – М., 1958. – Т. 3. – С. 92-116.

¹⁹ Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Сост. Л.Б. Модзалевский. – М.; Л., 1948. – 828 с.

²⁰ Ильина К.А. Письма попечителя // Бикташева А.Н. Неформальные практики властвования в казанской губернии (первая половина XIX века) / А.Н. Бикташева, М.Х. Гизатуллин, К.А. Ильина. – Казань, 2006. – С. 128-216.

²¹ Каган В.Ф. Лобачевский / В.Ф. Каган. – Изд. 2-е, доп. – М.; Л., 1948. – 506 с.; Каган В.Ф. Великий русский ученый Н.И. Лобачевский и его место в мировой науке. / В.Ф. Каган. – Изд. 2-е, испр. – М.; Л., 1948. – 84 с.

²² Арбузов А.Е. А.М. Бутлеров, великий русский химик. К 100-летию теории химического строения. – М., 1961. – 44 с.

²³ Гептнер В.Г. Эдуард Александрович Эверсманн (Eduard Friedrich Eversmann) (1794-1860) / В.Г. Гептнер; Московское общество испытателей природы. – Москва, 1940. – 79 с.

²⁴ Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX век) / С.М. Михайлова. – Казань, 1991. – 360 с., Михайлова С.М. Казанский университет: между Востоком и Западом / С.М. Михайлова, О.Н. Коршунова. – Казань, 2006. – 208 с., Шуртакова Т.В. Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в Казанском учебном округе в 1805-1836 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Казань, 1959.

Казанского университета сопровождалось богатой издательской программой, значительная часть которой использовалась при написании диссертации.²⁵

Именно хорошая разработанность общих проблем, связанных с историей Казанского университета, и вообще, с историей образования, интеллигенции в России позволяет сегодня рассматривать вопросы, поднимаемые в диссертации. Для постановки и разрешения каждой такой проблемы были созданы хорошие предпосылки в историографии Казанского университета и университетов России в целом.

Подходы к рассмотрению общей характеристики профессоров, помимо уже упоминавшейся работы С.М. Михайловой и коллективной работе «История Казанского университета. 1804-2004», разрабатывались и в контексте истории интеллигенции в России. Хорошие традиции в этом направлении заложены В.Р. Лейкиной-Свирской и Л.А. Булгаковой.²⁶ Глубокий анализ группам немецких профессоров в русских университетах представлен в диссертации А.Ю. Андреева на степень доктора исторических наук, защищенной в 2006 году.²⁷ К изучению времени обращалась Е.А. Вишленкова,²⁸ а понятие «университетское пространство» вошло в научный оборот благодаря статьям, диссертации и книге И.П. Кулаковой.²⁹ В подобном же значении пространство Казанского университета рассматривалось в коллективной монографии Вишленковой Е.А., Малышевой С.Ю., Сальниковой А.А.³⁰ Отмечу, что в отличие от них, в данной диссертации речь идет не об «университетском культурном пространстве», а о физическом пространстве жизни профессоров. Удачный

²⁵ История Казанского университета. – Казань, 2004. – 656 с., Ректоры Казанского университета, 1804-2004 гг.: Очерки жизни и деятельности. – Казань, 2004. – 360 с. и др.

²⁶ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В.Р. Лейкина-Свирская. – М., 1971. – 378 с.; Булгакова Л.А. Интеллигенция в России во второй четверти XIX века (состав, правовое и материальное положение). Дис... канд. ист. наук. – Л., 1983. – 239 с.

²⁷ Андреев А.Ю. Русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. Дис... докт. ист. наук. – М., 2006. – 695 с.

²⁸ Вишленкова Е.А. Учебная повседневность в Казанском императорском университете // История и историки в Казанском университете. К 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Сборник научных статей и сообщений. – Казань, 2005. – Ч. II. – С. 30-38.

²⁹ Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века / И.П. Кулакова; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2006. – 333, [1] с., [8] л. ил.

³⁰ Вишленкова Е.А. Terra Universitatis... С. 13-82.

подход к изучению «качества жизни» универсантов был также предложен в упоминаемом мною исследовании «Terra Universitatis...».³¹ Использованный в диссертации, он оказался в достаточной степени универсальным и позволил глубже раскрыть тему, сосредоточившись на изучении только профессоров на меньшем хронологическом отрезке.

Вторая глава «Корпорация профессоров Казанского университета» посвящена изучению корпорации профессоров, людей, ее составляющих, их взаимоотношений. В *1-м параграфе*, дается общая характеристика корпорации: численность, происхождение и социальное положение ее членов.

Штат профессоров никогда не достигал максимально установленных в уставах цифр. Главной причиной такого положения был недостаток подходящих кандидатов на профессорские места, вызванный, отчасти, удаленным положением университета от центра Европы и столиц. Особенный недостаток в новых членах корпорация испытывала в первые годы своего существования, после 1815 г., вследствие изменившегося международного положения, после увольнений, предпринятых в 1819 г. ревизором М.Л. Магницким, принятия устава 1835 г. и с конца сороковых годов до окончания рассматриваемого периода.

Сложности с комплектованием кафедр, особенности географического положения университета приводили к тому, что профессорская корпорация Казани приобретала свои, специфические черты. Эти особенности проявлялись в возрастном, национальном и конфессиональном составе профессоров.

Принадлежность к той или иной нации не была актуальна для профессоров первой половины XIX века. Намного более важными в жизни профессоров были вопросы их вероисповедания и гражданства.

Университет в Казани всегда виделся правительству как университет христианский, таким он и был по составу профессоров. Причем речь шла о

³¹ Вишленкова Е.А. Terra Universitatis... 498 с.

религиозности христианской, вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Больше всего религиозности наставников уделялось внимание в период попечительства М.Л. Магницкого. Без принятия подданства профессора не могли претендовать на главную привилегию, которую давала их должность, и должность адъюнктов – получение дворянства.³²

Социальное происхождение профессоров было различным. Наиболее значимые группы составляют выходцы их иностранцев, духовенства и дворян.³³ Число профессоров, происходивших из иностранцев, было преобладающим до 1816 г. Выходцы из духовенства появились в университете сразу после открытия и всегда составляли значительную часть корпорации. Рост числа дворян в корпорации связан с изменениями социального статуса профессоров.

Социальное происхождение профессоров формально не влияло на их социальный статус. Успешное окончание университета гарантировало исключение из податного сословия. Вместе с тем, оно накладывало значительный отпечаток на жизнь профессоров, влияло не столько на социальное положение профессоров, сколько на их внутренний мир и полученный ими набор знаний. Главным образом это было связано с характером полученного образования.

Социальное положение профессоров рядом правительственных постановлений было определено достаточно высоко.³⁴ Даже адъюнкты имели право на получение потомственного дворянства. В действительности, оно зависело от отношения к профессорам местного дворянства и губернской администрации. Повышению общественного положения способствовало занятие профессоров благотворительностью, участие их в библейском обществе в конце 10-х-начале 20-х гг., награждение орденами, массовое

³² НА РТ, ф. 350, оп. 2, д. 7, л. 8.

³³ Данные о происхождении профессоров приводятся в основном тексте диссертации в виде таблицы.

³⁴ Об устройстве училищ // Сборник постановлений... Т.1. – Стлб. 15-20., Утвердительные грамоты... Т. 1. – Стлб. 288., Общий устав... Т. 2. – Ч. 1. – Стлб. 988.

утверждение профессоров и адъюнктов университета в полученном ими дворянстве от Герольдии в первой половине 40-х гг.³⁵

Важная особенность социального статуса профессоров – ярко выраженная корпоративная идентичность профессоров. Подтверждением этого служат надгробные надписи на могилах профессоров, в которых в первой половине XIX было принято в краткой форме указывать социальный статус похороненного.

Во 2-м *параграфе* показаны отношения внутри корпорации. В сложной по составу корпорации профессоров, как на межличностном уровне, так и на уровне всего коллектива, существовала проблема нахождения общего языка общения. Профессора-иностранцы вынуждены были самостоятельно подбирать язык, на котором они читали лекции, ориентируясь на возможности аудитории, выбирать разные языки общения в зависимости от обстоятельств и собеседников. Хотя все профессора понимали, что со временем языком преподавания и общения в университете должен стать русский язык, существовали большие проблемы, связанные с его изучением.

По-видимому, преимущественное общение русских профессоров на русском языке и профессоров-немцев на немецком языке, так же как и различная конфессиональная принадлежность, несколько раздробляли корпорацию. В историографии существует устойчивое представление о конфликте в университете двух партий: немецкой и русской, но оно вызывает недоверие уже тем, что восходит к одному источнику – переписке профессора Ф.К. Броннера. Причины конфликтной атмосферы в совете скорее нужно видеть в природе профессорского коллектива – мужского сообщества со сложными статусными отношениями.

Вместе с тем, конфликты носили ситуативный характер и, как правило, не вовлекали всех членов корпорации. Напротив, для них было характерно ощущение единства, которому способствовало наличие общего мундира и

³⁵ См. Казанское дворянство. 1785-1917 гг. генеалогический словарь / Сост. Г.А. Двоеносова, отв. ред. Л.В. Горохова, Д.Р. Шарафутдинов. – Казань, 2001. – 640 с.

совместное отмечание праздников. Для существования корпорации были важны патриархальные отношения и семейные связи, которыми она была пронизана.

Женская половина семей профессоров играла в университете свою роль, выполняла свои функции. Даже после смерти мужей, покинув университет, жены профессоров не прерывали связей с корпорацией. Образ жизни профессоров, определяемый университетом, не мог не отражаться на семейной жизни. Профессора годами, а иногда десятилетиями не видели своих родителей и родных, за исключением отпусков, должны были неотлучно находиться в Казани. Публичная жизнь, которую вели профессора, делала их семейную жизнь очень прозрачной. Легче всего воспринять такой образ жизни было девушкам из семей ученых, преподавателей, близких к университету людей. Им профессора часто и отдавали предпочтение. Другими соображениями при женитьбе часто бывали материальное или социальное положение невесты. Для многих профессоров было характерно стремление направить в университетское сообщество своих детей, по меньшей мере – дать хорошее образование и развитие. Они могли рассчитывать на то, что их дети, в случае сиротства, не будут оставлены коллегами.

Помимо чисто семейных отношений, корпорация была пронизана связями дружескими. В рассматриваемый период квартира то одного, то другого профессора превращалась в своеобразный клуб, в котором профессора любили собираться, приветствовалась музыка. Профессора-немцы, по-видимому, часто предпочитали общение друг друга. В их кружок входили другие представители немецкой общины в Казани. Некоторые профессора были завсегдатаями Дворянского Собрания. Можно отметить, что в среде казанских профессоров не было тяготения к вступлению в масонские ложи, хотя несколько подобных случаев известно.³⁶

³⁶ Серков А.И. Русское масонство 1731-2000: Энцикл. слов. / А.И. Серков. – М., 2001. – 1222 с., [8] л.

В самом начале существования университета из-за крайне малого числа студентов и преподавателей произошло небольшое их сближение. В личной жизни многие студенты были поставлены близко к семьям профессоров. Постепенно происходила потеря патриархальных связей профессоров со студентами. Как следствие, уже в 1850-х гг. между ними наметилась конфронтация. Более близкие отношения складывались между профессорами и закрепленными за ними магистрами. К особым случаям, менявшим течение университетской жизни можно отнести ученые диспуты, чтения пробных лекций и похороны университетских людей. На время диспута отношения между его участниками изменялись. Вместо корпоративного статуса особую важность приобретала «включенность» в тему, компетентность в обсуждаемом вопросе.

В третьей главе анализируются параметры жизни профессора. *Первый параграф* посвящен структуре времени.

Возраст, в котором человек мог получить должность профессора, не был одинаковым в течение рассматриваемого периода. Активно корпорация пополнялась молодыми людьми во второй половине 1810-х гг., когда острая необходимость в заполнении кафедр совпала с завершением подготовки в нем ряда молодых ученых, и во второй половине 30-х годов, когда сроки получения должности профессора сокращал Профессорский институт.

Уже в процессе становления корпорации встала проблема ротации кадров. За исследуемый период пересмотр корпорации по возрастному критерию происходил дважды: в связи с ревизией М.Л. Магницкого и введением в действие устава 1835 г.³⁷ Как следствие, профессора часто умирали от старости, состоя на службе. Средняя продолжительность жизни профессоров, служивших в Казани, в рассматриваемый период составляла 64 года.³⁸ Своеобразным рубежом, после которого ученый считался пожилым, стареющим, в первой половине XIX века было 50-летие.

³⁷ См., например: НА РТ, ф. 977, оп. Правление, д. 5037, л. 9.

³⁸ Из 122 профессоров, служивших с 1804 по 1863 гг. в Казанском университете, у 85 установлены даты жизни с точностью до года. Из выборки исключены по 4 верхних и нижних значения (≈10 % выборки).

Помимо общей линии жизни, которую задавала служба в университете, время было регламентировано годовыми циклами, «академическими» годами. Кроме воскресений и вакаций, занятия отменялись в дни праздников, каких насчитывалось довольно много. Весьма распространенными на протяжении почти всего рассматриваемого периода были пропуски профессорами лекций, заседаний правления и совета.

С началом учебного года и до его окончания жизнь профессора была тесно связана с недельным расписанием его занятий и обязанностями по университету. Нагрузка на преподавателей возрастала на протяжении всего периода. Но, по-видимому, в сравнении с другими университетами, не была высокой из-за относительно небольшого числа студентов. Профессора были заняты исполнением своих обязанностей неодинаково, и, если некоторые были задействованы только в ведении своих предметов и заседаниях совета, то другие непрерывно занимались исполнением многочисленных служебных обязанностей.

Университет задавал и суточный ритм жизни профессора. Для того чтобы учебный процесс не нарушался и шел четко в положенное время, в университете специально заботились о наличии и правильном ходе часов. Своим часам уделяли большое внимание профессора.

Во втором параграфе рассматривается организация пространства профессоров. Местоположение университета занимало в нем центральное, образующее место. Расположенный на Воскресенской улице, в возвышенной части Казани, университет был местом жительства многих профессоров, и местом, в зависимости от которого искали место жительства другие профессора. Собственное пространство университета, отгороженное от города деревянным, а позже каменным забором, было территорией, на которой все профессора проводили значительное время своей жизни.

Пространство университета, развивавшееся в первой четверти XIX века стихийно, в середине 20-х годов было несколько упорядочено созданием единого университетского корпуса. В корпусе, позже названном главным, с

1823 г. сосредоточилась жизнь университета. С начала 30-х годов началось планомерное строительство, завершившее создание университетского городка со специализированными корпусами.

В пространстве города отдельные места были маркированы профессорами, выделялись ими из общей городской среды. При выборе места жительства профессора руководствовались некоторыми общими мотивами. Большинство членов корпорации предпочитало селиться вблизи университета. Районом, заселенным профессорами, была Поповая гора – удобная в условиях неблагоприятного казанского климата возвышенность, расстояние до которой от университета легко преодолевалось пешком. Часть профессоров жили в районе между Поповой горой и университетом. Другим районом, предпочитаемым профессорами, была одна из лучших улиц Казани Грузинская, и, окружавшие ее Старо-горшечная, Большая и Малая Ляцкая – улицы, на которых застройка позволяла иметь дома со значительными садами при них. А вот Арское поле, несмотря на существовавший проект, не стало местом жительства профессоров. Наконец, были профессора, которые предпочитали жить в университете на казенных квартирах, а некоторым университет навязывал место проживания по должности. Территориальной автономии от места службы требовала частная практика и пансионы. Некоторых профессоров обременяла публичная жизнь, заставляла искать уединения.

В отличие от профессоров столичных университетов, пространство казанских профессоров может быть расширено за счет многих, часто посещаемых профессорами, мест за пределами Казани. Сравнительно небольшое число образованных людей в Казани ориентировало профессоров расширять свои связи в пространственном отношении, а управление до 1835 г. огромным округом способствовало освоению профессорами его территории.

Параграф третий посвящен исследованию качества жизни профессоров. Жалованье в первые годы существования устава привлекало в

университет как иностранцев, так и небогатых дворян, которые, оканчивая университет, оставались в нем для подготовки к профессорскому званию. Помимо жалованья, профессора распределяли между собой многочисленные обязанности, за которые полагались доплаты. Особенно доходным было совмещение кафедр. Профессора часто совмещали службу в университете со службой в других местах. Реальное жалование большинства профессоров значительно превышало оклад.

Помимо жалования, почти все профессора имели дополнительные доходы. С самого начала существования университета распространилась практика содержания пансионеров. Для других профессоров побочным доходом становилась сдача жилья в наем. Были среди профессоров и ростовщики. Медики и юристы традиционно занимались частной практикой. Дополнительные доходы приносили имения, которые были у многих профессоров, в том числе значительные. Имения иногда доставались по наследству, чаще покупкой или в качестве приданного за женой. Таким образом, были профессора, качество жизни которых мало зависело от получаемого ими жалования.

Помимо различных доходов, с принадлежностью профессоров к университету были связаны возможности экономии и социальные гарантии, повышавшие качество жизни. При университете существовала клиника, доступными были услуги квалифицированных врачей-коллег, до устава 1835 г. университет вел все судебные дела профессоров, квартиры профессоров освобождались от постоя. Выслуга лет предоставляла право на пенсию как самим профессорам, так женам и детям в случае смерти профессора. Корпорация брала на себя заботы о похоронах, если этого не могла сделать семья. Немаловажным для семейных профессоров было то, что они имели все возможности дать свои детям хорошее образование. Все это вместе позволяло, приложив определенные усилия, хорошо организовать свой быт.

Почти всегда вновь прибывшим профессорам, хотя бы на первое время, предлагалась казенная квартира при университете. Но жить в собственном

доме было удобнее с точки зрения организации быта и ведения хозяйства. К приобретению дома профессора стремились, и наличие собственного дома было показателем высокого качества жизни. Быт профессора чаще всего организовывался так, чтобы дом был открыт для гостей: приобреталась соответствующая мебель, большие средства расходовались на угощение.

Вместе с тем, сохранилось множество свидетельств неудовлетворенности профессоров своим материальным положением. Главная причина недовольства крылась в инфляции. Такое положение, когда жалованье не изменялось десятилетиями, а цены постоянно, и, в целом, ощутимо росли, порождало чувство дискомфорта, неуверенности в завтрашнем дне. Другой важной причиной неудовлетворения многих профессоров своим положением была сильная имущественная дифференциация в профессорской среде. Статус же у всех профессоров был одинаков, и требовал поддержания соответствующего уровня жизни. В погоне за тем, чтобы выглядеть «достойно» в глазах общества, многие профессора доходили до состояния, близкого к банкротству, тем более что благодаря гарантиям, связанным с принадлежностью к университету, профессора легко получали кредиты.

В заключении сделаны следующие выводы:

1. Особенности географического положения Казани влияли на формирование корпорации профессоров университета. На протяжении рассматриваемого периода это по-разному, но отражалось на возрастном, этническом и социальном составе корпорации. В связи с необходимостью поддержания численного состава корпорации меньше внимания обращалось на соответствие профессора существующим для должности возрастным критериям, которые лишь отчасти были прописаны в нормативных документах, в большей степени существуя как принятые нормы. Также, периферийность университета в сочетании с упущенными при основании университета возможностями формирования корпорации способствовали наполнению его в первое десятилетие преимущественно иностранцами.

2. Профессорская корпорация представляла собой сообщество с высоким уровнем конфликтности и проблемами, связанными с полиэтничностью сообщества и различным социальным прошлым ее членов. В то же время, конфликты носили временный характер и никогда не вовлекали всех профессоров. В целом, корпорацию характеризует единство, возникавшее из ощущения специфичности университетской культуры, поддерживаемое общим мундиром, ритуалами и традициями.

3. Принадлежность профессора к преподавательской корпорации Казанского университета четко структурировала его время, расписывая по академическим годам, рабочим неделям, дням и часам занятия профессора. Эта структура формировала особую жизнь университетского человека, отличную от жизни горожан. Она заставляла его подчиняться своему ритму, принуждала четко ориентироваться во времени.

4. Организующим началом в пространстве профессора выступал университет. Университетский городок становился полем «профессорского» пространства, которое существовало для профессоров, и на формирование которого они оказывали значительное влияние. В зависимости от местоположения университета профессора выстраивали свое городское пространство. При этом они расселялись по Казани не равномерно, а образовывали несколько локальных поселений внутри города.

5. Качество жизни профессоров определялось не столько жалованием, сколько принадлежностью к университету вообще, что давало большой ряд преимуществ, не всегда явных. Доходы большинства профессоров не ограничивались профессорским жалованьем. Как следствие, в корпорации существовала значительная имущественная дифференциация. Одновременно, существующие представления о «достойном» образе жизни вынуждали небогатых профессоров становиться должниками для его поддержания. Размеры жалованья удовлетворяли профессоров лишь в начале XIX века. В дальнейшем рост инфляции приводил к падению покупательской способности жалованья, порождая чувство неудовлетворения.

В приложении приводятся данные формулярных списков профессоров и Казанского университета за 1806, 1816, 1824, 1834, 1845, 1853 и 1861 гг. и дается план центральной части г. Казани. Они носят преимущественно иллюстративный характер, показывая обоснованность выводов, приводимых в тексте работы. Данные формулярных списков могут быть полезны исследователям при уточнении биографических данных профессоров. Список использованных в работе сокращений имеет вспомогательное значение.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. *Бизяева Т.В.* «Дней Александровых прекрасное начало» // Казанский университет. – Казань, 2004. – Юбилейный выпуск: ноябрь. – С. 6-7.
2. *Бизяева Т.В.* Казанское общество любителей отечественной словесности // Ваш консультант. – Казань, 2004. – № 1: сентябрь. – С. 37-38.
3. *Бизяева Т.В.* Первые годы: из жизни Казанского университета // Ваш консультант. – Казань, 2004. – № 3: ноябрь. – С. 37-38.
4. *Бизяева Т.В.* Университетская самость как пример смешанной идентичности: постановка проблемы // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. – Вып. 6 (специальный): Материалы международного научного семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей. Пятигорск, 16-18 апреля 2004 г. – С. 233-237.
5. *Бизяева Т.В.* Казанский университет: проблема репрезентации и корпоративного самоописания // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник научных статей и сообщений / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинцев. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 91-97.
6. *Бизяева Т.В.* П.С. Кондырев - "официальный поэт университета" // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества

археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сборник научных статей и сообщений / Сост. и отв. ред. С.И. Ионенко и Г.П. Мягков. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С. 44-53.

7. *Бизяева Т.В.* Кондырев П.С.; Лубкин А.С. // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. – Т. 3: К-Л. – С. 386, 635.

8. *Костина Т.В.* Идентичность преподавателей богословия – настоятелей университетской церкви. Казанский университет, 1804-1863 гг. // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии. – Казань, 2006. – Вып 1 (11): Ч. II. – С. 161-170.

9. *Костина Т.В.* Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору? (На материалах Казанского университета 1804-1863 гг.) // Диалог со временем = Dialogue with time: Альм. интеллектуал. истории. - М.: ИВИ, 2007. – С. 262-269.

10. *Костина Т.В.* Качество жизни профессоров Казанского университета. 1804-1863 // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. (в печати, 1 п.л.)